

ПРОИЗВОДИТЬ переоценку его творчества «в связи с изменившимися обстоятельствами» было бы глупо: едва ли кто-то может соперничать с Некрасовым по части экспрессии народных образов — будь то детско-хрестоматийный Мужичок-с-ноготок или Женщина Русских Селений, или кто-то (что-то) еще, первым делом всплывающие в памяти по самым разным причинам и поводам. Эти образы просто невозможно изъять из нашей души. Что же касается священного долга быть в первую очередь гражданином, а потом уже поэтом, то ему, как, наверное, никому из собратьев по перу, приходится до сих пор «отдуваться» за собственные же строки.

Еще над гробом поэта в конце декабря 1877 года (по старому стилю) возник спор о его месте в русской литературе. Достоевский, произносивший речь у открытой могилы, поставил Некрасова вслед за Пушкиным и Лермонтовым. Тут же его прервали несколько голосов: «Он выше их, выше!» Толпа подхватила восторженно-благодарный порыв, но то был всплеск эмоций.

Незадолго до этой траурно-пафосной мизансцены многие почти доподлинно знали, что он угасает. Но в «Отечественных записках» появлялись новые стихи, и многочисленные поклонники Некрасова им искренне радовались. И в то же время содрогались при мысли, что дни кумира сочтены. Когда настал его смертный час, выражали свою скорбь возвеличиванием поэта.

Устный спор быстро перекинулся тогда на страницы газет и журналов, был долгий, яростный, но победителя не выявил. Конечно же, Некрасову судьба дала недюжинный талант. И, возможно, Николай Алексеевич заслуживал высокой чести встать рядом с Пушкиным и Лермонтовым. Однако вполне допустимо в этом и усомниться. Дело во вкусах, симпатиях и антипатиях изменчивой публики, сиюминутных «вердиктах» добрых и злых критиков. И — во времени, его, так сказать, велениях и веяниях.

Ему отдавали должное при жизни, но, несмотря на популярность, объективной оценки он не удостоился. К тому же многие произведения этого крупного автора из-за цензурного давления остались под спудом. Уместно вспомнить, как Фаддей Булгарин доносил в тайную полицию: «Самый отчаянный коммунист: стоит прочесть его стихи и прозу... чтоб удостовериться в этом. Он страшно вопиет в пользу революции». В ту пору Некрасову было двадцать шесть.

Позже он и вовсе разгулялся в обличии самодержавных устоев. Напряженно ждал радикальных перемен: «Душно! без счастья и воли / Ночь бесконечно длинна. / Буря бы грянула, что ли? / Чаша с краями полна!»

Огромную посмертную славу, о которой, верно, не мечтал при жизни, он обрел уже при советской вла-

Музей-заповедник «Карабиха»

ФОТО: БОРИС ЕЛИНУРИА НОВОСТИ

В. Кузьмичев. «Н.А. Некрасов, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов в редакции «Современника»

сти. Главным образом — благодаря Ленину, который его «заметил» и оценил. «Я помню, — писала Надежда Крупская, — как меня удивляло знание Владимиром Ильичом Некрасова». И неспроста — пролетарский вождь часто использовал некрасовские строки в своих статьях. Отмечал, пусть и с оговорками, что симпатии поэта были на стороне революционной демократии.

Хоть и навязанный сверху — частым цитированием, включением в школьные программы, благостными оценками, — Николай Алексеевич пришелся по вкусу широким массам. Он воспевал красоту природы, народные традиции. «Муза мести и печали» звенела громко и призывно, нарисованные им картины были пронзительны, исполнены боли. Некрасов восторгался русской женщиной, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». И мужик русский — труженик и страдалец — был ему как будто духовно и душевно близок.

Иные его стихотворения, сочиненные в позапрошлом веке, вовсе не истрепались и в нынешнем столетии. Вот лишь один пример: «Ты и убогая, / Ты и обильная, / Ты и могучая, / Ты и бессильная, / Матушка Русь!»... Сколько раз в новейшей истории эти слова можно было повторять!

Вопрос же «Кому на Руси жить хорошо» стал, как принято говорить, сакраментальным и, похоже, на-